

УДК 177.1

И. Н. Гоян

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника
(Ивано - Франковск, Украина)*

С. В. Сторожук

*Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины
(Киев, Украина)*

О. Ф. Федык

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника
(Ивано - Франковск, Украина)*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ИДЕИ ДОСТОИНСТВА

Аннотация. В статье обосновывается мысль о том, что существующие в современном интеллектуальном дискурсе противоречия в толковании содержательного наполнения идеи достоинства появились в результате сохранения в современном общественном сознании преמודерных и модерных коннотаций содержательного наполнения понятия «достоинство», вследствие чего в современном общественном сознании конкурируют три основных подхода к толкованию содержания достоинства. С одной стороны, в повседневном сознании и интеллектуальном дискурсе четко утвердились этимологические коннотации содержательного наполнения идеи достоинства. В рамках такого подхода слово «достоинство» используется для обозначения социальной значимости человека. Эта традиция толкования понятия «достоинство» легла в основу современных украинских педагогических стратегий. Представители второго подхода рассматривают достоинство как сущностный признак каждого человека, не прибегая к содержательному его очерчиванию, что и обуславливает трудности его практического обеспечения. Тем временем представители третьего подхода считают, что достоинство – это потенциально сущностная черта каждого человека, однако в действительности ее реализация требует существенных личностных усилий – человек приобретает достоинство только в случае реализации собственного внутреннего потенциала, который делает его уникальным социальным субъектом.

Ключевые слова: достоинство, дхарма, педагогические стратегии, воспитательный идеал, ценность, «качество души», добродетель, благодетельность.

Ihor Hoian

Vasyl Stefanik Precarpathian National University (Ivano – Frankivs)

Svetlana Storozhuk

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Kiev)

Oksana Fedyk

Vasyl Stefanik Precarpathian National University (Ivano – Frankivsk)

WORLDVIEW SOURCES OF CONTENT CONTRADICTIONS IN THE IDEA OF DIGNITY

Annotation. The article claims that the contradictions in the interpretation of the idea of dignity, which exist in the contemporary intellectual discourse, appeared due to the preservation of the pre-modern and modern connotations of the content of the notion of “dignity” in the contemporary social consciousness. Thus, in the contemporary social consciousness there exist three basic and competing approaches to the interpretation of the idea of dignity. On the one hand, the etymological connotations of the content of the idea of

dignity have consolidated in the everyday consciousness and in the intellectual discourse. Within this approach the word "dignity" is used to denote the social value of a person. This tradition of the interpretation of the notion of "dignity" served as the basis for the contemporary Ukrainian pedagogical strategies. The representatives of the second approach consider dignity to be the essential feature of every person, not dwelling upon its content, and thus producing the difficulties in its practical appliance. On the contrary, the followers of the third approach believe dignity to be a potentially essential feature of every person, though its realization demands considerable personal efforts – a person obtains dignity only if he/she manages to realize the inner potential, making him/her into the unique social subject.

Key words: dignity, dharma, pedagogical strategies, educational ideal, value, "quality of a soul", virtue, charity.

Достоинство человека можно считать одной из наиболее дискуссионных тем современного социогуманитарного дискурса. Это и не удивительно, ведь слово «достоинство» настолько прижилось в нашем повседневном языке, что его использование не требует лишних вопросов или комментариев. Воспитание достойного гражданина, «Человека с большой буквы», сегодня является одной из основоположных стратегических целей украинского образования на всех его уровнях. Реализация этой задачи осуществляется в условиях вариативности и неопределенности содержания человеческого достоинства, что, в свою очередь, обуславливает возникновение отличных, а порой даже полярных педагогических методик, реализация которых в образовательном процессе имеет амбивалентные последствия для всестороннего развития детей и молодежи.

Несмотря на несомненную актуальность исследований феномена человеческого достоинства для образовательно-педагогической сферы, все же не стоит забывать, что погрешности сформированных тут стратегий проявляются только в долгосрочной перспективе и более всего – на личностном уровне. Тем временем в правовой сфере отсутствие целостного концептуального подхода к трактовке содержательного наполнения понятия «достоинство человека» остро ощущается уже сегодня. Указанное противоречие является вполне логичным следствием положений С. 1. Всеобщей декларации прав человека и гражданина (1945 г.), где однозначно утверждается, что все «люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [5]. Таким образом, Всеобщая декларация впервые в истории признала достоинство неотъемлемым и неотчуждаемым правом каждого человека, не предложив в то же время ни концептуального, ни содержательного очерчивания правовых аспектов достоинства. Существенных изменений в их толковании не произошло и в результате ратификации Декларации прав человека и гражданина странами – участницами ООН, которые, взяв за конституционную основу базовые требования Декларации, задекларировали право человека на достоинство, не дав никаких его конструктивных объяснений. Вследствие этого практическое обеспечение человеком права на достоинство оказалось чрезвычайно проблематичным.

Вышеприведенное противоречие существенно усиливается вследствие того, что в современной социогуманитарной науке содержание категории «достоинство» очень часто охватывает явления, определяющие качество жизни, – «достойная оплата труда», «достойный уровень жизни», «достойное обслуживание», «достойное образование» и т. д. Конечно, в случаях, когда речь идет о достоинстве как базовом праве человека, есть все основания предполагать, что «качество жизни» раскрывает уровень реализации этого права, одновременно актуализуя вопрос критериев «достойной оплаты труда», «достой-

ного уровня жизни», «достойного обслуживания». В то же время такой подход вносит диссонанс в педагогические стратегии, где обычно речь идет о достоинстве человека как соответствии некоторым социальным ожиданиям. Еще больше вопросов возникает в случаях, когда достоинство рассматривается как сущностная характеристика человека.

Несмотря на несомненную актуальность теоретического осмысления содержания достоинства, в современном социогуманитарном дискурсе ощущается острый дефицит трудов, посвященных этой тематике. Разумеется, отдельные аспекты этой проблемы иногда становились предметом научных поисков. В этом контексте уместно вспомнить труды М. Дойчика [14], И. Гояна [8], Г. Бандзеладзе [4], Р. Апресяна [2], А. Гусейнова [12], А. Сычева [24] и др. исследователей, которые сосредоточили внимание на исследовании содержательного наполнения идеи достоинства в диахронном и синхронном срезе. Тем временем в работах С. Сторожук [25], О. Федык [9], И. Гояна [1], И. Матвиенко [20], О. Грищук [10], А. Дзьобаня [13] идея достоинства рассматривается в контексте социально-антропологической проблематики. Следует отметить, что широкое использование идеи достоинства в процессе социологических, педагогических, юридических, антропологических и пр. исследований не сопровождается однозначностью содержательного наполнения идеи достоинства, рождая отличные, а иногда амбивалентные подходы к ее толкованию, что существенно усложняет формирование соответствующих социокультурным и мировоззренческим требованиям времени социальных проектов и стратегий.

Обнаружение мировоззренческих истоков существующих противоречий в толковании содержательного наполнения идеи достоинства актуализирует обращение к этимологии этого понятия. Его истоки обычно связывают с древнегреческим словом «ἀξιοπρέπεια», которое, в свою очередь, происходит от «ἄξιος» – «соответствующий, имеющий вес», а от этого и еще к слову «ἀγῶν» в значении «принимать, взвешивать» [24]. Между тем упомянутые древнегреческие слова были такими же полисемантическими, как и современное слово «достоинство», и использовались для обозначения «значимости» людей и предметов [16]. Тем временем в древнеиндийском ведическом санскрите, которым писали Веда, существовало слово «dh`arma», которое означало: «1) правило, закон; 2) обязанность, долг; дхарма; 3) добродетели; 4) религию, веру» [23]. Несмотря на кажущуюся полисемантическую, это ведическое понятие внутренне едино и обозначает закон, проявляющийся в разных сферах бытия.

Идея дхармы как закона и правила, а на антропологическом уровне – добродетели стала концептуальной основой для утверждения иерархической структуры древнеиндийского общества. В частности, формирование четырех основных индийских варн – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры – произошло в соответствии с дхармой, которая определяла уровни иерархии человеческого достоинства и соответствующие ему добродетели. Так, брахманы – это самая привилегированная каста индийского общества. Ее представители имели право толковать Веда, совершать жертвоприношения и раздавать дары. Для того, чтобы стать брахманом, недостаточно было родиться представителем этой варны, необходимо было пройти инициацию, которая символизировала «второе рождение» [17]. Оно символизировало появление особенного социального статуса – «достоинства» «добродетели» быть брахманом и соблюдение правил этой варны.

Подобные требования выдвигались и к кшатриям – воинам и правителям. Их достоинство проявлялось на поле битвы и благодаря поддержанию соци-

ального порядка. Учитывая социальное назначение кшатриев, им могли прощать гнев и другие проявления страсти – считалось, что именно они дают возможность кшатриям достойно выполнять свой долг. Третьей привилегированной варной индийского общества были вайшьи, которым дхармой было предписано заниматься земледелием, ремеслом и торговлей. В отличие от представителей двух вышеупомянутых варн вайшьи наиболее уважительно выполняют правила и ограничения, продиктованные религией и традицией, в связи с чем их достоинство проявляется в преданности традиции, способу производства и т. д. [17]. Тем временем представители самой низкой варны – шудры – призваны прислуживать представителям высших слоев, а поэтому они лишены собственного достоинства, их назначение – способствовать развитию достоинства представителей первых трех варн.

Как видим, в древнеиндийской мировоззренческой системе достоинство рассматривалось, с одной стороны, как способность к априори определенному дхармой виду деятельности, а с другой – как социальная значимость личности, которая определялась в процессе реализации дхармы. Несмотря на то, что сегодня чрезвычайно сложно однозначно определить наследственность между основанной в Ведах традицией определять социальный статус человека благодаря его способности к определенному виду деятельности и социальной значимости этой деятельности и развитому в древнегреческом философском учении об *arête* (др.-греч. ἀρετή – благодетельность, достоинство), все же хотелось бы акцентировать внимание на том, что в раннем появлении в греческом языке понятие «достоинство» было связано с понятием соответствия цели или функции, обозначая «собранность, согласованность, пригодность» вещи или существа. Между тем вскоре это слово начинает широко использоваться применительно к человеку. Тут оно используется для обозначения моральных качеств, присущих человеку соответственно его социальному статусу. Следует отметить, что последний был чрезвычайно важным элементом общественной жизни античного общества и в большой степени определял достоинство человека. Так, по переписи 309 г. до н. э. в Афинах проживали 21 тыс. свободных граждан и 10 тыс. метеков (чужаков, постоянно живущих в городе), не учитывая полностью бесправных рабов [19, с. 16]. Несмотря на то, что свободных граждан и метеков объединял статус свободного человека, их социальные статусы существенно отличались. У метеков не было избирательного права, они не участвовали в работе афинских органов власти, не имели частной собственности в полисе и т. д. В то же время метеки платили налоги, а во время войн защищали свой полис с оружием в руках, что, однако, не вызывало надлежащего уважения к ним со стороны граждан. В значительной мере это было обусловлено отсутствием частной собственности, в результате чего главным занятием метеков была торговля, которую греки считали недостойным видом деятельности. Достойными уважения занятиями свободного гражданина древнегреческого (афинского) полиса были земледелие и интеллектуальная деятельность, которые были привилегией только свободных граждан.

Следует отметить, что существенные ограничения для признания достоинства человека в период античности касались не только метеков, но и свободных граждан, что довольно красноречиво показали, исходя из разных методологических позиций, Платон и Аристотель. В частности, Платон, пытаясь понять и объяснить «феномен Сократа», который неоправданно, но вполне законно с учетом афинского законодательства был казнен, развивает учение о Благе, в том числе и возможности его реализации в общественной жизни. В частности, в «Государстве» мыслитель предлагает развернутую картину сис-

темы воспитания в соответствии с «качествами души», развитие которых в процессе воспитания в итоге своем определяет достоинство, или же социальную значимость каждого человека в обществе [22]. На этом идейном фоне Платон обосновывает учение о трех основных социальных слоях – правители-философы, стражи и люди мускульного труда, которые формируются в соответствии с добродетелями бессмертной человеческой души. Указанный подход, на наш взгляд, имеет много общего с предложенным в индуизме учением о дхарме и ее добродетелях, что дает основания говорить о наследственности или же культурном взаимодействии древнеиндийского и древнегреческого социокультурного пространства.

В отличие от Платона, который с новых методологических позиций развивает традиционное для древнегреческой социокультурной среды толкование достоинства как добродетели, определяющей социальную значимость человека, Аристотель подходит к исследованию этой проблемы как ученый. Первым, что привлекло внимание древнегреческого мыслителя, стала полисемантическая природа слова «достоинство», под которым сторонники демократии понимают свободу, «сторонники олигархии – богатство, другие – благородное происхождение, а сторонники аристократии – добродетель» [3, с. 151]. Несмотря на существенные различия в толковании содержания идеи достоинства, которые, по мнению Аристотеля, предстают результатом мировоззренческо-идеологических различий, в каждом случае это слово используется для обозначения «чего-то», что придает человеку вес и ценность в социуме. Подобной позиции придерживается и сам мыслитель. Он придает достоинству нормативное измерение, в результате чего содержательное наполнение достоинства приобретает поведенческие коннотации. Достойный человек должен вести себя соответственно своему социальному положению. В таком случае достоинство является внешним оценочным критерием поведения человека и его соответствия социальным ожиданиям и/или нормам. Не нивелируется нормативный характер достоинства даже в случаях, когда речь идет об осознании собственного достоинства. В этике Аристотеля осознание собственного достоинства не приобретает экзистенциальное измерение, а эксплицируется как внешнее требование: человек осознает свой социальный статус и ведет себя соответственно социальным требованиям, чтобы не скомпрометировать себя в социальной среде.

Следует отметить: по Аристотелю, достоинством потенциально обладает каждый разумный человек, умеющий сдерживать свои страсти и принимающий активное участие в общественной жизни. Однако в действительности достоинством обладают только свободные, материально обеспеченные люди благородного происхождения, имеющие личные заслуги перед обществом. Между тем, даже они могут оказаться недостойными занимаемого места, если будут дискредитировать себя ненадлежащим поведением. Достойным, по мнению Аристотеля, человек становится только тогда, когда он, занимая определенное высокое положение в обществе, ведет себя соответственно общественным нормам и требованиям.

Рассматривая человеческое достоинство как своеобразный воспитательный идеал, Аристотель вполне в духе своего времени связывал его реализацию с развитием добродетельности, которая, по его мнению, является залогом общественного благоденствия. Последнее обеспечивается только тогда, когда, оценивая поступки, человек руководствуется правилом золотой середины. По мнению мыслителя, общественно значимые добродетели всегда являются своеобразной серединой целого спектра человеческих качеств. Так, по утверждению Аристотеля, мужество – это достоинство, которое граничит с трусо-

стью и неудержимой отвагой. Щедрость же рассматривается мыслителем как середина между транжирством и жадностью, а правдивость предстает серединой между похвалой и обманом. Заметим, что все упомянутые добродетели – это добродетели воли, поэтому они предстают не природной данностью, а итогом воспитания и обучения [3. с. 26].

Как видим, несмотря на существенные различия в толковании идеи достоинства в древнеиндийском и древнегреческом мировоззрении, это понятие, с одной стороны, неизменно сохраняет общую смысловую основу – обозначает поведение, отвечающее неким социальным стандартам, тем самым придавая человеку социальную значимость, а с другой – достоинство признается характеристикой только привилегированных слоев населения, людей, имеющих высокий социальный статус, благодаря которому они могут иметь общественную ценность.

Как ни странно, но основанная в античности традиция понимания человеческого достоинства существенно не изменилась под влиянием христианизированной культуры эпохи Средневековья. Вопреки признанию всеобщего равенства людей перед Богом, теперь признавали, что «Нет иудея, ни грека, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы – один во Христе Иисусе!» (К Галатам 3:28), утверждается коллективно-иерархический принцип общественной организации. Руководствуясь словами Христа «Ибо где двое или трое во Имя Мое собраны, там Я среди них» (От Матвея 18:20), зафиксированными в Евангелии от Матвея, первые христиане организовывались в общества, которые в это время считались единственной возможностью приблизиться к христианской истине – она открывалась человеку в живой традиции сожительства в христианском товариществе [18, с. 61]. Одновременно в Средневековье господствовало представление, что духовная жизнь во Христе в настоящем невозможна вне земной жизни с присущим ей произволом индивидов, а поэтому Царство Божье должно быть специально организованным. Одного только знания человека об истине достаточно только для добровольного отказа человека от злой воли, однако воля человеческая еще не прониклась божественностью, а поэтому «понимание еще не самостоятельное, а существует только в духе чужого авторитета» [6, с. 313]. Иначе говоря, средневековый человек оставался лишенным полноценной субъективной свободы, а поэтому христианское товарищество требовало руководителей и мирской организации, через которую устанавливается истина и обеспечивается приобщение к ней.

С учетом своеобразия понимания роли и назначения человека в христианизированном средневековом мировоззрении определялось достоинство человека. Так, в отличие от античного полиса, где достоинство могло актуализироваться как личная добродетель, в эпоху Средневековья самоуважение и самореализация человека связывались с интересами корпорации. В этом контексте чрезвычайно показательным выглядит предложенный Ю. Габермасом тезис: «Конкретное понятие достоинства, или «социальной чести», принадлежит миру иерархически расчлененного традиционного общества. Там личность могла черпать свое достоинство и уважение к себе самой из дворянского кодекса чести, из сословного этоса ремесленных цехов или, скажем, из корпоративного сознания университетов» [26, с. 71]. Иначе говоря, феодальный и иерархический строй Средневековья привел к тому, что человек полностью растворился в «жизненном мире» сельского товарищества, ремесленнического цеха, монастырской братии, вассальных связях и т. д. В связи с этим его достоинство утверждается только в недрах коллектива, объединенной группы и сословия, поскольку базовые черты его психики и поведения определяются

неизменно природой социума [11]. На этом же идейном фоне в эпоху Средневековья зарождается иерархия самого достоинства соответственно социальному происхождению, вследствие чего стало возможным говорить о том, что достоинство рыцаря выше купеческого. Считалось, что честь только у рыцаря, в то время как купцу присуща честность. В ситуации повседневности, как уже было замечено, могла идти речь о достоинстве работника, однако достоинство доблести всегда стояло выше достоинства труда.

В целом в преמודерной культуре достоинство, так же как и идентичность, определялось правом рождения, следовательно, не предусматривало никаких личностных усилий. Человек самоопределялся и приобретал добродетели, присущие его социальной среде. Место человека в обществе и его социальная значимость были наперед определены, поэтому не предусматривали вариативности. Как ни странно, но коренных изменений в процессе социального самоопределения человека не произошло и в результате коренных социокультурных изменений, произошедших в эпоху Модерна. Понятно, что формирование концепции общественного договора и признание всеобщего равенства (Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо и др.) постепенно привели к тому, что право на достоинство стало закрепленным за каждым человеком. Эта традиция утвердилась благодаря И. Канту, который первым в европейском интеллектуальном дискурсе начал рассматривать достоинство как сущностную характеристику человека, которая проявляется в способности пользоваться собственным разумом. Иначе говоря, по И. Канту, ум человека – это особенная ценность, которая определяет достоинство как родовую характеристику человека. Способность осознавать, ставить цели, соблюдать моральный закон – это то, что поднимает людей над природой, живущей неосознанными стихийными влечениями. Жизнь человека определяют разум и воля, которые делают его достойным особого положения в мире. Каждый, как доказывает И. Кант, обязан чувствовать, что он достоин истинно человеческого отношения, должен владеть глубоким самоуважением и признавать себя существом с особым статусом в бытии.

Основанная И. Кантом интенция рассматривать достоинство как сущностную характеристику человека стала концептуальной основой дальнейшего изучения этого феномена в современном интеллектуальном дискурсе, где сформировались два основных подхода к толкованию достоинства. В рамках первого признается справедливость теоретических обобщений И. Канта и обосновывается способность их практической реализации, наиболее показательным примером которой стала Всеобщая декларация прав человека (1945 г.). Ее основные требования касались признания всеобщего равенства, а следовательно, и достоинства людей. Менее либеральными, на первый взгляд, кажутся интенции второго подхода. Его представители (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше) акцентируют внимание на том, что достоинство – это не родовая, а качественная характеристика, которая определяется способностью человека к саморазвитию [15]. В связи с этим имеем все основания утверждать, что категория «достоинство» используется для обозначения уровня личностного развития, одновременно приобретая высокий уровень субъективизма и асоциальности. Социальные стереотипы и традиция, как доказывал Ф. Ницше, отвлекают человека от его настоящей природы, а поэтому «человеку, который не желает принадлежать толпе, достаточно только перестать быть инертным по отношению к самому себе» [21], освободиться от оков общественного мнения, стереотипов и особенно страха быть собой.

На наш взгляд, основанная неклассической философией традиция толкования человеческого достоинства давала возможность объяснить асоциальный характер тех гениальных представителей мировой культуры, достижения которых существенно опередили свое время и не получили надлежащего признания при их жизни. Между тем, такой подход был совсем не пригодным для воспитательных стратегий эпохи Модерна, социальным идеалом которой стала стандартизация, разрушающая все проявления уникальности, неповторимости и креативности. Только «стандартизованный человек» со «стандартизованными потребностями и потребительскими запросами» мог обеспечить существование индустриального общества. В таком обществе нет места для уникальности и креативности, наоборот, тут человек превращается в достойного и полноценного члена общества именно в итоге «стандартизации» и полного соответствия социальным ожиданиям.

Концептуальной основой для обоснования антропологического идеала Модерна стало философское наследие Г. В. Ф. Гегеля. Раскрывая своеобразие бытия человека в гражданском обществе, он уделяет немало внимания проблеме образования, которая, по мнению немецкого мыслителя, является главным условием достойного проявления человека в гражданском обществе. «Это освобождение, – пишет Гегель, – является для субъекта тяжелым трудом, направленным на преодоление голой субъективности поведения, непосредственности вождения, а также субъективной суетности чувства и произвола желаний» [7, с. 232]. В гражданском обществе, замечает Г. В. Ф. Гегель, человек получает возможность проявлять свою особенность и одновременно взаимодействовать с другими людьми благодаря тому, что попадает в поле всеобщности. Последнее благотворно влияет на самого человека – оно сдерживает проявление его стихийных стремлений и необузданных страстей. «Образованными, – пишет мыслитель, – можно в первую очередь считать тех людей, которые способны делать все то, что делают другие, не подчеркивая свою приватность, тогда как у людей необразованных бросается в глаза именно эта приватность, поскольку их собственная не отвечает общим свойствам вещей. В своих отношениях с другими людьми необразованный человек легко может обидеть, потому что он действует по своему желанию, не рефлексируя по поводу чувств других» [7, с. 233].

В целом Г. Гегель акцентирует внимание на том, что именно благодаря образованию и присоединению к пространству всеобщего человек становится полноправным и достойным членом гражданского общества. Между тем, в таких условиях проявления уникальности и гениальности кажутся чрезвычайно проблематичными – человек растворяется в сфере традиции, общественного мнения и авторитетов, которые, как справедливо показал Ф. Ницше, не дают возможности проявиться его собственному потенциалу. В рамках обоснованного Г. Гегелем гражданского общества человеческая уникальность и неповторимость превращаются во всеобщность, и именно в этом превращении проявляется социальное достоинство человека. «Образованию, мышлению как сознанию единичного в форме всеобщего, – замечает Г. Гегель, – свойственно понимать Я как общее лицо, в котором все тождественны. Значение человека в том, что он – человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.» [7, с. 246].

На наш взгляд, именно благодаря тому, что философское наследие Г. Гегеля целиком и полностью отвечало запросам индустриального общества, в общественном мировоззрении утвердился предложенный им подход к толкованию человеческого достоинства как соответствия социальным ожиданиям

и требованиям. Разумеется, этот подход содержательно перекликается с теми идеями, которые были основаны еще в античном мировоззрении. Тем не менее, есть и существенные отличия. На протяжении истории достоинство рассматривается как добытая в процессе обучения и воспитания моральная характеристика человека, которая определяет его социальную значимость. Между тем, в отличие от мыслителей эпохи Премодерна, для Г. В. Ф. Гегеля достоинство – это качественная характеристика, которой потенциально может владеть каждый человек, в действительности же она является результатом личностных усилий и воспитания.

На основе сказанного приходим к выводу, что существующие в современном интеллектуальном дискурсе противоречия в толковании содержательного наполнения идеи достоинства обусловлены конкуренцией трех главных подходов к толкованию содержания достоинства. С одной стороны, в повседневном сознании и интеллектуальном дискурсе четко утвердились этимологические коннотации содержательной нагрузки идеи достоинства. В рамках такого подхода слово «достоинство» используется для обозначения социальной значимости человека. Последняя, в свою очередь, определяется путем соответствия или несоответствия социальным ожиданиям. Собственно, именно эта традиция толкования понятия «достоинство» легла в основу современных украинских педагогических стратегий. Представители второго подхода рассматривают достоинство как сущностный признак каждого человека, не прибегая к содержательному его очерчиванию, что и обуславливает трудности ее практического обеспечения. Тем временем представители третьего подхода считают, что достоинство – это потенциально сущностная черта каждого человека, однако в действительности ее реализация требует существенных личностных усилий – человек приобретает достоинство только в том случае, если реализует собственный внутренний потенциал, который делает его уникальным социальным субъектом.

В целом существующее разнообразие подходов к толкованию идеи достоинства обусловлено неравномерностью социокультурного и мировоззренческого развития, в результате чего в современном общественном сознании продолжают господствовать преמודерные и модерные социальные идеалы с присущей им интенцией к определению ценности человека с учетом его социальной значимости. Превращаясь в концептуальную основу социально-антропологических стратегий, эти идеалы обуславливают конкуренцию социально-педагогических стратегий, одни из которых преследуют цель сформировать соответствующую социальным ожиданиям и управляемую личность, в то время как другие ставят своей целью раскрыть творческий потенциал личности и найти ее место в мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Storozhuk, S. V. Greek «Фызиз» as the basis of gender stereotypes / S. V. Storozhuk, I. M. Goyan // Anthropological Measurements of Philosophical Research. – 2016. – Vol. 10. – P. 78–89. doi: 10.15802/ampr.v0i10.87306*
2. *Апресян Р. Г. Истоки морали в архаическом обществе. На материале «Илиады» / Р. Апресян // Человек. – 2011, № 3. – С. 21–40.*
3. *Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4 / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.*
4. *Бандзеладзе Г. Д. О понятии человеческого достоинства / Г. Бандзеладзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1998. – 172 с.*
5. *Всеобщая декларация прав человека (рос/укр). Принята и провозглашена в резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года [Электронный ре-*

сурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015 - Дата доступа: 21.10.2018.

6. Гегель, Г. В. Ф. *Философия истории* / Г. В. Ф. Гегель // Сочинения в 14-ти тт. – Т. 8. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 470 с.

7. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

8. Гоян И. Н., Дойчик М. В. *Милосердие как проявление достоинства личности* / И. Гоян, М. Дойчик // *Социальное воспитание*. – 2014. – № 2; URL: socio-vospitanie.esrae.ru/12-38 (дата обращения: 04.11.2018).

9. Гоян, І., Федик, О. Соціальна справедливість транзитивних суспільств: можливості реалізації // *Вісник Львівського університету. Серія філос.-політолог. студії*. – 2018. Випуск 18. – С. 284-291.

10. Грищук О. В. *Людська гідність у праві: філософський аспект* / О. Грищук. – Київ: Атіка, 2007. – 432 с.

11. Гуревич, А. *Личность в контексте культуры* // Развитие личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/1-03/69.html> - Дата доступа: 21.10.2018.

12. Гусейнов, А. А. *Что я должен не делать?* // *Постигая добро* : сб. ст. к 60-летию Р. Г. Апресяна / отв. ред.: О. В. Артемьева, А. В. Прокофьев. – Москва, 2013. – С. 93-112.

13. Дзьобань, О. П. *Проблеми безпеки у договірній концепції Томаса Гоббса: аксіологічний аспект* // *Стратегічні пріоритети*. – 2008. – № 1(6). – С. 161-167.

14. Дойчик, М. В. *Ідея гідності у філософській творчості Ф. Ніцше* // *Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць*. – 2016. – Вип. 105(2). – С. 252-257.

15. Дойчик, М. В. *Трактування духовності як основи гідності людини у філософії А. Шопенгауера* // *Вісник Прикарпатського університету. Філософські науки*. – 2016. – Вип. 20. – С. 51-57.

16. *Древнегреческо-русский словарь Дворецкого* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-7389.htm>

17. *История Древнего Востока* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/polk-17/41.htm> - Дата доступа: 21.10.2018.

18. Козловски, П. *Общество и государство: неизбежный дуализм*. – М.: Республика, 1998. – 368 с.

19. *Логика достоинства и свободы личности : посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси* / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 577 с.

20. Матвієнко, І. С. *Філософське осягнення людини: інтегральний гуманізм Ж. Марітена та гуманістичний психоаналіз Е. Фромма*: дис. ... канд. філос. наук [Спеціальність 09.00.05. – історія філософії. Місце захисту: Київський національний університет імені Тараса Шевченка]. – Київ, 2012. – 190 с.

21. Ніцше, Ф. *Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/shopenhauer/> - Дата доступа: 21.10.2018.

22. Платон. *Держава* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/plato/plat.htm> - Дата доступа: 21.10.2018.

23. *Санскритско-русский словарь* / Составитель Кочергина В.А. Издание 2-е. — М.: Русский язык, 1987. — 944с.

24. Сычев, А. А. *Эволюция представлений о достоинстве в истории этической мысли* / А. Сычев // *Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ*. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 305-313.

25. *Сторожук, С. В. Нація: історія і теорія проблеми (історико-філософський вимір)* : [монографія] / С. Сторожук. – Київ : ВАДЕКС, 2013. – 318 с.

26. Хабермас, Юрген. *Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека* // *Вопросы философии*. – 2012. – №2. – С. 66 - 80.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гоян Игорь Николаевич – декан философского факультета Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, доктор философских наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для переписки: ул. Шевченко, 57, г. Ивано-Франковск, 76018, Украина.

E-mail: ivigoian@gmail.com

Сторожук Светлана Владимировна – профессор Национального университета биоресурсов и природопользования Украины, доктор философских наук, профессор (Киев, Украина).

Адрес для переписки: ул. Героев Оборона, 15, г. Киев, 03041, Украина.

E-mail: sveta0101@ukr.net

Федык Оксана Васи́лиевна – доцент кафедры общей и клинической психологии Прикарпатского национального университета им. Васи́лия Стефаника, кандидат психологических наук, доцент (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для переписки: ул. Шевченко, 57, г. Ивано-Франковск, 76018, Украина.

E-mail: oksfedyk@ukr.net

AUTHOR`S DATA

Hoian Ihor Nikolaevich – Dean, Faculty of Philosophy, Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University, Doctor of Philosophical Science, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

E-mail: ivigoian@gmail.com

Storozhuk Svitlana Volodymyrivna - Professor, National University of Life and Environmental Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor (Kyiv, Ukraine)

Address for correspondence: Heroes of Defense Str., 15, Kiev, 03041, Ukraine.

E-mail: sveta0101@ukr.net

Fedyk Oksana Vasylivna – Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology of Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

E-mail: oksfedyk@ukr.net

© Гоян И. Н., 2019.

© Сторожук С. В., 2019.

© Федык О.В., 2019.

Поступила в редакцию 08.10.2018.